

Андрей Савельев. ТЕНЬ БЕСА. JUDEX-JUDUM

(ознакомительный фрагмент)

Заказ у автора: savliy@gmail.com

Стоимость электронной копии (pdf, epub) - 100 р.

Стоимость бумажной версии - 250 р.

Пересылка бандеролью по РФ - 150 р.

Содержание

Предисловие

Покушение на антропологию

Между расизмом и космополитизмом

Тотальный расизм

Расщепление истины и похвала глупости

Еврейский Пушкин

Генетический подлог

Ускользящий образ

Расовая смесь

Антропология имперская и антиимперская

Литературная норма или "экстремизм"?

Жиды и евреи у Шекспира

Смысловые оттенки слова "жид" у Николая Лескова

Куприн о евреях и еврейских писателях

Достоевский о жидах и евреях

Чехов - просто русский писатель

И даже Тургенев

Talmjudum-peritum

Нехорошее слово

Экспертоиды

Культурное наследие Европы и евреи

Живопись, карикатура и антропология

Заключение

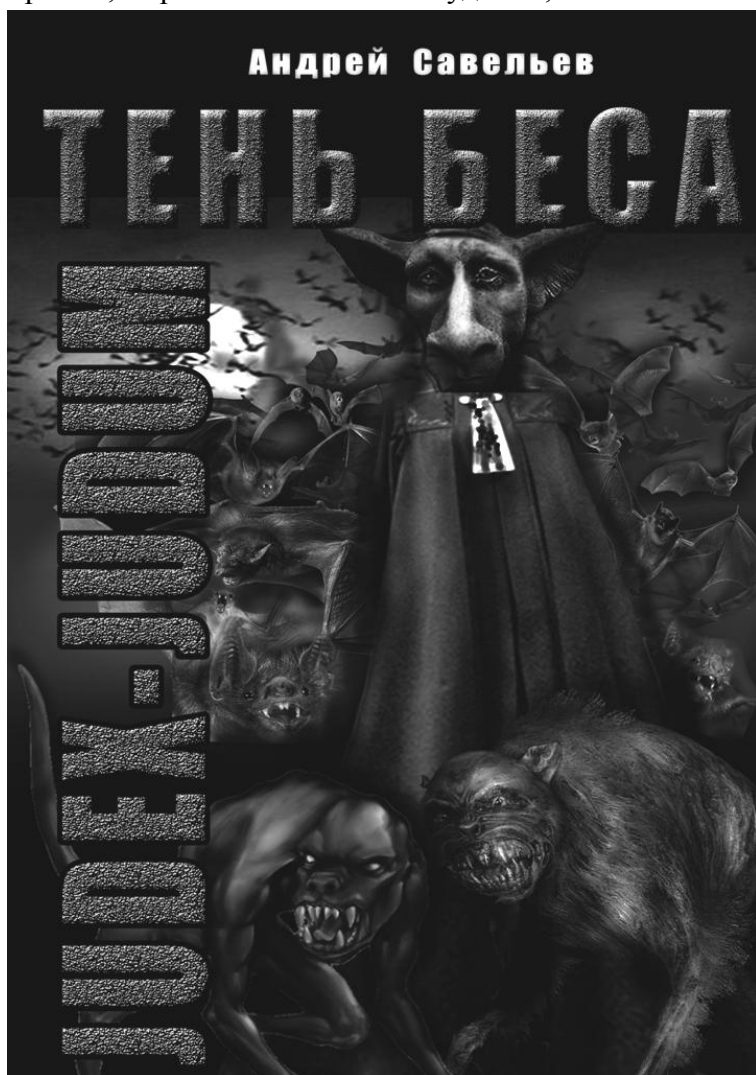
Предисловие

Трудно себе представить взрослого гражданина России, который бы ничего не знал о "еврейском вопросе" и не имел на этот счет какого-либо суждения. Это связано с двумя аспектами: очевидностью доминирования еврейского этнического лобби в системе государственной власти, средствах массовой информации, сфере искусства и некоторых профессиональных группах, а также в связи с религиозным фактором, противопоставлявшим в течение многих веков христиан и иудеев.

Несомненно, многие заметили еще при Ельцине так называемую "семибанкирщину" - доминирование евреев в группе так называемых олигархов, приватизировавших огромную собственность и мгновенно ставшими миллиардерами. Такое положение в основном сохранилось до настоящего момента, на что указывает этнический состав богатейших людей России, опубликованной информагентством РБК. Притом, что "русскость" многих олигархов определена была лишь формально. Впрочем, как и "еврейскость". Олигархия внациональна и антинациональна. Тем не менее, "семибанкирщина" - явление евреев на вершине имущественных "верхов", и оно (явление) представляет исследователю причинно-следственную связь, которую мы обсудим в

других публикациях цикла "Тень беса". При этом нас интересуют вовсе не евреи, и даже не некоторые евреи, а определенный след еврейства прежних веков, который отпечатан не в культурах народов, а в системах властвования тех группировок, которые стоят над народами и попирают их фундаментальные интересы.

Умозрительное разрешение вопроса о негативных отношениях между русскими и евреями, православными и иудеями, казалось бы, не представляет труда. Ведь

численность евреев в Российской Федерации ничтожна, и русские в своей повседневной жизни их почти не встречают. Но русские люди постоянно сталкиваются с вполне ясной "талмьюдизацией" высших должностных лиц, чиновников, судей, деятелей культуры и искусства и т.д., которые могут выставлять напоказ свое еврейство, а могут вообще не иметь никакой связи с евреями. В этой среде обнаруживается явление, которое стоит назвать именно так: "талмьюдизм". Данный термин мной используется, чтобы избежать отождествления финансово-политической секты со всеми евреями или со всеми иудеями, и даже с ничтожной частью иудеев, которые живут "по Талмуду". Приходится изобретать новый термин, чтобы выйти за пределы этнической и религиозной идентификации и попытаться не попасть под действие экспертно-судебного идиотизма, который и стал отправной точкой для написания

этой книги. Но даже и без этого обстоятельства народ уйти от нагруженных разнообразными смыслами понятий "иудаизм" и "гебраизм".

Слово "талмьюдизм" составлено из осколков других слов, которые легко читаются, и расшифровка не требуется. Не в этот раз, но в других сочинениях цикла мы вернемся к тому следу талмудизма, который отразился в начетничестве и догматизме взглядов нынешних российских чиновников, в идеологических штампах сего времени, которые повторяют коммунистическую доктрину, включая ее талмьюдические первоисточки.

За любовь к России нас судят не судьи. Для получения такого статуса им не хватает народного волеизъявление, согласно ст. 3 Конституции. Если государство лишено связи с Богом, когда "всякая власть от Бога", тогда источником легитимной власти остается только народ – что по какой-то случайности было записано в ельцинскую Конституцию. Но данный документ давно стал пустой декларацией. Судебная власть в РФ назначается, и никакой связи с народом не имеет. То есть, нелегитимна. Также этой связи лишены следователи и прокуроры. Следственные и судебные эксперты, которых назначают для организации грязных дел, также не связаны с народом и полностью зависимы от своих работодателей - ФСБ, Минюста, МВД. Следователи и суды даже не утруждают себя

поиском независимых экспертов – приглашают тех, кто "борозды не испортит", но и "глубоко не вспашет". Поэтому фальсификация экспертиз стала общим местом в судах, особенно по политическим делам (см. об этом в моей книге "Карательная экспертиза", 2017).

В условиях тотального беззакония вирус талмьюдизма распространяется беспрепятственно: для него нет ни профилактики, ни лечения. Отсюда – полный произвол в распоряжении судьбами людей, творимый бесчестными, лишенными общегражданской и профессиональной этики лицами. Это "юдексы" - сгустившиеся из пороков XX века субъекты, которые повторяют судьбу "юдумов" прежних веков, обособленных от остального человечества, а в эмансипированном состоянии возненавидевших его за все истинные и мнимые обиды. Судьи над нашим судьбами несут отпечаток не только выдержанного в большевистском нигилизме еврейства, но и свихнувшегося "европейства", европейничанья – заразы, подхваченной российской правоохранительной системой из правовых систем Европы. При этом им кажется, что они защищают евреев от "экстремизма", когда издеваются над русскими людьми. На самом деле они угнетают всех подряд – включая тех евреев, которым вздумалось бы высказываться о своих единоплеменниках примерно так, как высказываются некоторые исследователи, вроде Шломо Занда, о книге которого мы расскажем ниже. Достаточно будет команды вирусоносителя "сверху", чтобы и этот автор был объявлен экстремистом, а его книги были запрещены в РФ.

Построенное в РФ полицейское государство защищает только олигархию. И использует формальные поводы для издевательств над разумными людьми, пытающимися постигнуть проблемы, с которыми столкнулась Россия. В частности – причины совершенно незаконного преследования людей, которые где-то употребили слово "жид" или опубликовали какую-то "нехорошую" картинку в сети Интернет.

Мы попытаемся показать, что атака полицаев (мы должны именно так обобщенно называть беззаконников, наделенных полномочиями казнить своим безумством законопослушных граждан) против русских публицистов и общественных деятелей – это плод невежества и злобы русофобов. И коснемся вопросов физической антропологии, русской литературы, а также – насколько это возможно – искусства живописи и карикатуры, которые не обошли стороной еврейства и представили нам различные образы и различные концепции того, что и сегодня угрожает нам и заботит не меньше, чем людей Средневековья или Античности.

Народы всегда находятся в условиях борьбы за свое существование. В особенности народы исторические – те, которым довелось создать крупные государства и культуру мирового уровня. Современность как будто поставила задачу изничтожить эти народы, стереть в пыль государства, попать все нравственные нормы и формирующие их мировые религии (к которым, заметим, иудаизм не относится, являясь верованием сугубо этническим). Русский народ, отдав в начале XX века власть талмьюдизированным политикам и примкнувшим к ним бандитам-садистам, и через столетие находится под гнетом их наследников и последователей. Силы русофобии продолжают войну на уничтожение, перейдя от стирания национального самосознания к стиранию самого народа, который уступил и здесь – позволил талмьюдистам забрать государственную власть и развернуть изгнание русских из всех престижных и выгодных сфер деятельности и организовать геноцид русского народа – его прямое истребление в войнах, сверхсмертность от алкоголизации и наркотизации, депопуляцию и нищету. Условием полного уничтожения русских является удаление из русского языка и русского мировоззрения исторически сложившихся смыслов и образов.

Автор надеется внести данной книгой хотя бы малую лепту в противостояние организаторам геноцида, а также оказать помощь тем, против кого русофобы организуют компании клеветы и инспирируют политические дела.

Покушение на антропологию

Между расизмом и космополитизмом

Книга профессора Шломо Занда (Занд Ш., Кто и как изобрел еврейский народ? М.: Эксмо, 2010) является многоплановым научным трудом с основательной библиографией. Автор пропустил через себя проблему "еврейства" и разрешил ее так, как разрешает проблемы интеллектуал, – сделав свои частные переживания поводом для исследования, результат которого дал научно обоснованную концепцию. Это концепция замены этнической солидарности – чисто политической, что для Израиля является единственно возможной стратегией выживания. Диаспорная солидарность еврейства означает для граждан Израиля ответственность за деятельность лиц, которые ничего не вкладывают в построение и поддержание их государственности, но активно соучаствуют в разрушении других государств.

Занд написал свою книгу о евреях и для евреев. При этом он использовал самые современные знания, и поэтому книга достойна внимания не только евреев. В частности, он взял на вооружение концепцию "воображаемых сообществ" Б.Андерсена и концепцию политической нации Э.Геллнера. Хотя, для русского читателя эти концепции имеют разве что полемическое значение, поскольку русская нация имеет этнокультурную основу и отражает бесспорное антропологическое единство русского народа, обусловленное веками проживания на общей территории и отсутствием серьезных географических, культурных и политических границ между русскими. Проблема осознания воображаемого характера сообщества евреев в мировом масштабе и реальности локального политического сообщества граждан Израиля – действительно, важная и насущная проблема. По большей части для израильтян. Для всех остальных – в порядке формирования отношения к еврейским диаспорам и лоббистским структурам, а также к Израилю – как к агрессивному и искусственно созданному государству.

Русскому читателю также может быть интересна политическая мифология, возникшая вокруг "еврейского вопроса", который изнуляет общественную мысль России и деформирует ориентации ее властных институтов уже не один век. Источники этой мифологии, будучи выявленными, помогут русским избавиться от комплекса зависимости собственной истории от воображаемой истории еврейского народа, а также от стеснения "иудейским" происхождением русской веры – православия. Ничего "иудейского" в православии нет, никакого долга у русских перед евреями нет. Это азбучные истины, которые почему-то до сих пор не вошли в сознание большинства современных русских, а для тех из них, кто находится в органах власти, соответствующие комплексы кажутся совершенно неистребимыми.

Русские и евреи должны избавиться как от мифа о мировом еврействе, так и от комплексов взаимозависимости. И тогда только возможен продуктивный диалог между гражданами, а не между самозванцами, пытающимися представлять, с одной стороны, воображаемый "еврейский народ", а с другой – воображаемую и ничтожную численно часть реального русского народа, воспринятого как весь народ. В первом представительстве нет ни системы делегирования полномочий, ни самого субъекта, способного на такое делегирование, во втором – только попытка подменить глубину русского мировоззрения своими плоскими и пошлыми мыслишками, где очень мало русского, зато очень много от "воображаемого сообщества". Именно этот синдром мы и называем "талмьюдизация". Можно также заметить, что это "горе от ума", который переходит в безумие, когда прилагается к объекту, источающему мировоззренческие вирусы – коммунизму, либерализму, социализму, нацизму, сионизму и так далее.

Весьма важен для нас факт, отраженный уже в предисловии к книге, написанном Александром Этерманом, - факт еврейского расизма: "Евреи, столетиями жившие вне Палестины, были объявлены неделимой и несмешивающейся уникальной расой (увы, именно расой), чистой как слеза, гениальной и безгрешной, на которую не распространяются исторические законы, которая превосходит все остальные человеческие коллективы (хотя бы своей способностью противостоять истории, да и по многим другим параметрам), расой гонимых изгнанников, оставшейся нечувствительной к двухтысячелетним соблазнам всех родов, культурным и материальным, изгнанной в древности со своей земли и прожившей целую вечность в изгнании, сидевшей там на чемоданах, пока наконец не наступил установленный заранее момент возвращения и обретения древних мистических прав" (с. 11).

Мало того, мы имеем дело с государственным расизмом, ведущим израильский социум в тупик: "Любое несогласие с этой теорией объявлено антиизраильским и антисемитским. Увы, ее очевидная фактическая бредовость мало что меняет — по различным причинам подавляющее большинство израильтян и почти все евреи вне Израиля полагают, что адаптация этих мифов — вопрос жизни и смерти для всего еврейского народа. Поэтому на службу им поставлены все наличные идеологические средства: система образования, культура и литература и, к сожалению, наука. Прежде всего, историческая наука. Настоящая научная история Израиля находится в Израиле под фактическим запретом!" (с. 12).

По вышеуказанным обстоятельствам трактат Занда имеет политическое значение, поскольку становится обоснованием совершенно иной политики, которая требуется Израилю для выживания. Фактически речь идет о новой идентичности для граждан Израиля, которая умиротворила бы их отношения с окружающими народами и внутренними "меньшинствами".

Русскому читателю книги Занда интереснее иное. Нам, русским, нет повода пересматривать собственную идентичность, собственную солидарность, в которой нет ничего воображаемого (если исключить политические "новоделы" последнего времени, объявляющие всю русскую историю – "темным царством"). Но нам интересно прояснить для себя факт искусственного удревления еврейской истории и воображаемость еврейской нации, будто бы, расселенной по всему миру и всему миру пытающейся навязать какое-то свое видение истории, где евреям отведена особая роль. Реальной нацией может стать нация израильтян, которая знает о своей молодости и не стремится придумать для себя прошлое. К сожалению, юнца пытаются представить дряхлым стариком, вернувшимся из тысячелетнего странствия с массой патологических болезней. Дитя буквально заражают этими болезнями.

Автор предисловия пишет: "Профессор Занд, видимо, первым обратил внимание на то важнейшее обстоятельство, что мифологическим туманом окутаны не только история Древнего Израиля да еврейское и иудейское Средневековье. Что куда серьезнее сама фантастическая концепция единого еврейского народа, прошедшего невредимым через тысячелетия государственности и диаспоры, — совсем недавнее изобретение. Еще двести лет назад мало кто понял бы, о чем идет речь; изобретатель "еврейской расы" вполне мог быть поднят на смех. Оригинальная идея подменить религиозный коллектив, состоящий из весьма разнородных субэтнотипов, вечной нацией-расой, сохраняющей вечное биологическое единство, не только нова — она несет яркий отпечаток политических теорий Нового времени. Еще в XVII-XVIII веках общеизвестные факты о разнородных еврейских религиозных и языковых коллективах никого не смущали. Идея "вечного народа вне истории" была изобретена лишь тогда, когда пошло в тираж завидное понятие нации, разумеется, по политическим соображениям, актуальным и сегодня" (с. 13).

Что народы смертны, кажется, не нужно никому доказывать. И нет ничего дурного в том, что собственный народ каждому его достойному сыну хочется видеть бессмертным и даже жизнь отдать за это бессмертие. Но глупости о народах, будто бы рожденных в

неведомых глубинах истории, все еще увечат самосознание людей. И тогда возникают "воображаемые сообщества" - секты, реконструирующие историю по фольклорным сказаниям, в которых больше самовольного творчества и фантазий современников, чем традиций предков. Мы имеем дело с этнографическими сектами. Ответ русских сект на немыслимую древность воображаемой еврейской истории – выдумки о немыслимой древности русской истории. На русских как бы набрасывается миф о "Вечном Жиде", который как будто никогда не рождался и лишен способности закончить свой век, как положено всем людям. Может быть, труд профессора Занда послужит русским отрезвлением: все народы когда-то рождаются. Причем, далеко не всегда известны их родители. Это общее правило, охватывающее и русскую, и еврейскую историю. У нас хватает достоверной древности, чтобы не прихватывать чужих достижений и давних эпох, когда о русских никто и ничего не слышал. О себе мы можем точно знать, что имеем родство с древними ариями и скифами, которые были многоплеменны и жили в разных местах, а вовсе не на Русской равнине. И только руссы – их потомки – заселили лесные массивы Восточной Европы, гораздо позднее дав свое имя живущим по соседству родственным славянским племенам. Собственно, современные русские – народ, осознавший себя как реальное сообщество, лишь сломив ордынское иго. Нам не надо чужой древности, но и своей мы никому уступать не должны.

Что касается евреев, то им со своими древностями еще придется серьезно разбираться. Ветхозаветные притчи, судя по современным исследованиям, к нынешним евреям не имеют никакого отношения. Это присвоенное предание, приписанная себе чужая история. Чья? Это вопрос для науки, на который пока нет ответа. Ясно только, что это история не еврейская – не тех, кто сегодня называет себя евреями.

В предисловии к книге Занда дается очерк опровержений, которые теперь можно считать надежно обоснованными: "необходимо раз и навсегда ясно продемонстрировать, что израильская политическая история, начавшаяся в сколько-то централизованной форме в 9 веке до н. э., искусственно растянута до 14-13 столетий, а то и дальше — к мифологическим (или просто мифическим?) праотцам, что исход Израиля из Египта — миф, завоевание Ханаана Иисусом Навином — даже не миф, а этиологический вымысел, что полностью вымышлены израильская культура, письменность и даже древнееврейский язык древнейшего периода, не говоря уже о "великих империях" Давида и Соломона. Однако куда важнее объяснить гораздо более простые вещи, частью общеизвестные всего 60-70 лет назад, а ныне обсуждаемые лишь в подполье: начиная с II века до н. э. иудеи активнейшим образом занимались прозелитизмом на огромном околосредиземноморском эллинистическом пространстве, не брезгуя и насильственным обращением в иудаизм завоеванных Хасмонеями племен, римляне не изгоняли евреев из Иудеи ни после разрушения Иерусалима в 70 году н. э. (иначе кто восстал бы против них в середине II века?), ни после восстания Бар-Кохбы (иначе откуда взялся бы еврейский экономический и культурный расцвет III века, века Мишны?) — они их вообще не изгоняли; мало того, демографический и экономический пик палестинской еврейской истории приходится на V-VI века н. э., то есть на период византийского владычества. Великое изгнание евреев из Иудеи было выдумано от начала до конца, причем относительно недавно" (с. 14).

Также научно обоснованным можно считать факт разнородности мирового еврейства, не представляющего собой никакого родового единства, то есть народа: "Никогда и ни для кого не было особым секретом, что основная часть знаменитого испанского еврейства, отчасти принявшего христианство, отчасти изгнанного с Иберийского полуострова в конце XV века, происходила от перешедших в иудаизм североафриканских берберских племен, что восточноевропейские еврейские общины, состоявшие поначалу почти целиком из прозелитов, образовались в результате иудейской эмиграции с юга и с востока, а не из Западной Европы, наконец, что нынешняя йеменская еврейская община возникла на руинах древнего южноаравийского иудейского государства

Химьяр, также созданного прозелитами и уничтоженного еще в домусульманские времена" (с. 14-15).

Занд приводит множество примеров, которые ставят под сомнение библейскую хронологию (с. 222). Так, исторические и археологические данные свидетельствуют, что широко представленные в библейских сюжетах верблюды появились в регионе в качестве одомашненных животных лишь в начале первого тысячелетия до н. э., а в качестве вьючных животных — лишь с 8 века до н. э.

Другой пример: упоминание в сюжетах о патриархах филистимлян и арамеев. Однако историками и археологами достоверно установлено, что филистимляне появились в регионе не раньше 12 века до н. э., а арамеи упоминаются в ближневосточных надписях лишь с начала 11 века, а всерьез заявляют о своем присутствии лишь с 9 века. Из всего этого можно сделать вывод не только об ошибках в хронологии (как говорят историки) или о сознательном сочинительстве (как говорит Занд), но также и о том, что библейские сюжеты зачастую относятся к какому-то другому региону и уж точное — не к древним предкам современных евреев.

Но оставим эту гипотезу и зафиксируем выводы Занда: "детальная разработка повествования, описание местностей, перечисление названий соседних племен и народностей свидетельствуют о том, что мы имеем дело не с туманными народными мифами, "усовершенствовавшимися" со временем, а с сознательным идеологизированным сочинительством, появившимся как жанр многими веками позже. Многие имена и названия, упомянутые в книге "Бытия", появились лишь в 7 или даже в 6 веке до н. э. Авторы этой книги, несомненно, знали об Ассирийской и Вавилонской империях, возникших, как известно, гораздо позднее 20 века до н. э., когда праотец Авраам якобы перебрался в Ханаан".

Занд потешается над еврейскими "патриотами", уверенными, что прорастают прямо из комков земли, раскиданных по национальной территории. Он говорит о вымышленности еврейских "праотцев" и подчеркивает, что для древних (в том числе и для авторов Пятикнижия) куда важнее было подчеркнуть благородное культурное происхождение, чем кровную чистоту. "Поэтому высокородный "отец нации" прибыл, согласно легенде, из Ура Халдейского, то есть из Месопотамии. И когда его обрезанному сыну Ицхаку пришлось жениться, он, разумеется, не мог взять в жены простую местную ханаанскую девушку, вдобавок язычницу. Поэтому за "кошерной" невестой к Нахору, брату Авраама (в места ничуть не более монотеистические, чем Хеврон, однако пользовавшиеся в Вавилонии в 6 или 5 веке до н. э. куда большим престижем, нежели маленький ханаанский "город праотцев"), был снаряжен специальный гонец. Ур, со своей стороны, был известнейшим очагом культуры, если не Нью-Йорком, то, самое меньшее, Парижем Древнего мира, но халдеи начали заселять его лишь с 9 века! Мало того, халдейский царь Набонид превратил его в важный религиозный центр только в 6 веке. Не прибыли ли случайно анонимные и, видимо, очень поздние авторы из тех же мест?" (с. 223-224).

Отметим предполагаемый источник библейских легенд — Месопотамию. Там, а вовсе не в скудных во всех отношениях землях Ханаана, могли родиться мифологии и притчи, ставшие в дальнейшем основой христианства. Возможно, что Египет и Сирия, а также Индия привнесли свои легенды в общий компендиум, переведенный на общедоступный язык авторами Септуагинты.

Другой пример, на который опирается Занд, - общеизвестный рассказ об исходе из Египта. Это ключевой для еврейства сюжет оказывается, мягко говоря, сомнительным. Египет мог быть центром, в котором создавались ветхозаветные мифы, мог быть источником культурных стандартов для древних евреев, но никакого "исхода" евреев из Египта просто не могло быть. Что создает большие проблемы для "воображаемого сообщества" и необходимой ему еврейской идентичности, основной на выдумке.

В царской надписи на стеле Мернепты, датированной концом 13 века до н. э., среди покоренных городов и племен упоминается уничтоженный "Израиль", у которого "нет больше семени". Занд предполагает, что надпись может быть просто бахвальством (с. 224). Но с тем же основанием можно считать, что племенная группа, обозначенная как "Израиль" была полностью уничтожена. При жестокостях той эпохи, которая многократно отмечена в Библии, поголовное уничтожение мужского населения было вполне возможным и реальным. Притом что "Израиль" был для Египта явлением заметным, но все же малозначительным. Занд указывает на другое: Ханаан в тот период был подчинен Египту. Поэтому Моисей никак не мог бежать от войск фараона в те места, где фараон продолжал властвовать. Такое бегство было бы бессмысленным гибельным. Библия ничего не говорит о пребывании египтян в регионе. Но археологические раскопки в Яффо, Газе и Бейт-Шеане, напротив, доказали присутствия египтян в Ханаане – именно в предполагаемый период завоевания страны евреями и в последующий период.

Столь же нелеп миф о блуждании по пустыне, где войска фараона без труда могли бы найти общину Моисея, которая, безусловно, обладала меньшей мобильностью, чем армия. Да и не могло столь длительное путешествие не оставить никаких эпиграфических и археологических следов. Особенно в Древнем Египте, где было принято тщательно документировать любое мало-мальски значимое событие – даже перемещения мелких групп кочевников. Скорее всего, "сыны Израиля" просто никогда не жили в Египте. О них у египтян нет никаких упоминаний, как и об исходе какого-либо народа. Занд отмечает, что город Питом, название которого встречается в Библии, упоминается в раннем египетском источнике, но крупным центром он стал лишь в конце 7 века до н. э. Важнее другое: археология оказалась бессильной обнаружить в Синайской пустыне какие-либо следы пребывания значительных масс людей. Не найдена и гора Синай. Эцион-Гевер и Арад, упоминаемые в описании скитаний по пустыне, не существовали в данную эпоху и стали и процветающими поселениями значительно позже. Выходит, мы имеем дело либо с выдумками (что для древних дело немислимое), либо с присвоением чужой истории, что вполне в духе нашей изолгавшейся современности.

Занд с удовлетворением отмечает выдуманность завоевания Ханаана евреями (с. 225). Иначе это был бы первый зафиксированный в истории геноцид. Ведь Библия свидетельствует, что народ завоеванного Ханаана был по большей части истреблен, а в оставшейся части поработен. После чего и сам "народ Израиля" распался на отдельные племена. Что, собственно, свидетельствует, что никакого единого народа Моисей так и не создал, никакого "народа Израиля" не было, даже если следовать библейскому сюжету.

Раскопки не подтвердили статуса Иерихона, Айе и Хешбоне как "мощных укрепленных городов", которые, якобы, были покорены евреями. В конце 13 века до н. э. Иерихон был ничтожным населенным пунктом, Ай и Хешбон вообще не были заселены в этот период. Занд отмечает: "Сходным образом обстоит дело и с большинством других городов, упомянутых в рассказе о завоевании Ханаана. Хотя в Хацоре, Лахише и Мегидо найдены следы разрушений и пожаров, эти древнейшие ханаанские города не были уничтожены в одночасье; они приходили в упадок постепенно, в течение примерно ста лет. Скорее всего, их деградация была вызвана наступлением так называемых "народов моря", в частности филистимлян, захватывавших в эти времена берега Восточного Средиземноморья; о них сохранилось множество египетских и иных свидетельств" (с. 226).

Нет никакого нашествия и разгрома. Есть только упадок равнинных городов и переход территории под контроль горских кочевников и морских разбойников. Это и были предки населения Израильского и Иудейского царств. Культурно они не были выше других народов Ханаана. Разве что какой-то местный культ запрещал им есть свинину: археологи не обнаружили свиных костей в поселениях того периода. В остальном археология говорит лишь о постепенном превращении сельских общин в два крошечных царства. Как бы ни раскапывали территорию современного Иерусалима, на этой

территории не найдено никаких следов великого Иудейского царства Давида и Соломона, которое Библия относит к 10 веку до н.э. В руки археологам поступило только небольшое количество примитивной керамики.

Ничтожное Иудейское царство на севере небольшого региона явно уступало другому ничтожному царству на юге – Израильскому с десятками поселений на более плодородных почвах. Сходные по образу жизни, жители этих царств говорили на разных диалектах языка, который теперь предпочитают назвать древним ивритом. "На юге в 10 и в 9 веках до н. э. существовало не более двадцати маленьких деревень. Израиль уже в 9 веке был мощным и стабильным государством; Иудея сформировалась и набрала силу лишь на исходе 8 века до н. э.". "Израильское царство времен династии Омри было значительно могущественнее Иудейского царства династии Давида и затмевало его. Именно об Израиле у нас есть древнейшие внебиблейские свидетельства: надпись ассирийского царя Салманасара III на "черном монолите" из Карха, известная стела царя Мешы, надпись, найденная в Тель-Дане, и др. Все значительные постройки, в прошлом приписываемые царю Соломону, на деле относятся к более поздней эпохе Израильского царства. Это было одно из самых богатых и густонаселенных государств региона, границы которого в пике могущества доходили до Дамаска на севере, Моава на востоке, Средиземного моря на западе и Иудейского царства на юге" (с. 230). Но вся эта конкуренция закончилась достаточно быстро и незаметно для истории. Израиль пал под ударом Ассирийской империи во второй половине 8 столетия до н. э., Иудейское царство погибло в 6 столетии. "Судя по всему, община жителей Иудеи была в то время настолько мала, что когда любознательный Геродот посетил эти места в 40-х годах 5 века до н. э., он ухитрился ее вовсе не заметить" (с. 277).

Объединенного царства никогда не существовало. Как и великолепных построек в столице империи царя Соломона, которой Библия не дала никакого названия. В Писание попали лишь какие-то отзвуки чужой истории, которые лишь создали обрамление для более позднего монотеистического учения. Кто касается Иудеи и Израиля, то для их жителей Яхве был лишь верховным божеством наподобие Зевса. Наряду с культом верховного божества, существовали культы Ваала, Шемеша, Ашеры и др.

Мы видим еще один разрыв придуманной истории: сначала египтяне истребили "семя" народа, которому приписывают родство с современными евреями, потом исчезают царства других народов, которым также пытаются приписать роль еврейских прародителей. Третье стирание в придуманной истории приписывается римлянам, разрушившим Иерусалим. Этот момент почему-то считается чуть ли не ключевым поворотным пунктом, сформировавшим еврейскую идентичность.

Занд не отрицает достоверности разрушения Иерусалима, но критично оценивает возможность каких-либо депортаций, которые в древности были просто невозможны по техническим причинам. Действительно, уничтожение населения было более реальным, чем его переселение. Частичное выселение практиковалось в Ассирии и Вавилоне, но не в Риме, где все ограничивалось передачей земель для римских солдат. Но последнее не практиковалось на Ближнем Востоке. Римляне расправились с защитниками Иерусалима и нескольких укрепленных городов, но им не было никакого резона устраивать этническую чистку во всем Иудейском царстве. Свидетельство Иосифа Флавия об уничтожении 1.100.000 жителей Иерусалима – значительное, многократное преувеличение. Оценочная численность жителей Иерусалима того периода – 60-70 тыс. Может быть, к ним привилось какое-то количество беженцев и паломников. Но в любом случае данные Иосифа Флавия стоит делить на десять. А общее число жителей Ханаана не превышало миллиона (такова оценка продуктивности "кормовой базы" на уровне тогдашних технологий). Отсутствие резни в покоренных городах подтверждается их стремительным восстановлением. Археологические раскопки не подтверждают и тотальных разрушений.

Аналогичны искажения исторической правды по поводу восстания Бар-Кохобы в 132 году. Римский историк Дион Кассий писал о разрушении пятидесяти укрепленных

городов Иудеи и почти тысяче "превосходнейших деревень", о гибели 580 тыс. от войны, пожаров и голода. По его словам, Иудея превратилась в пустыню. Если бы не преувеличения, то мы бы имели очередной разрыв выдуманной для евреев истории. В реальности же происходит восстановление Иудеи, которая с тех пор стала называться Палестиной: в начале III века объемы производства сельхоз продукции были восстановлены.

Нет, никакого расселения не было. Был взрыв монотеизма, в котором конкурировали между собой христианство и иудаизм. Победило христианство, но иудаизм сохранился как самая глубокая альтернатива доминирующему в Империи верованию. Сам миф об изгнании имеет две стороны: с одной, он играет для иудеев роль "избранной травмы", консолидирующей общины адептов, с другой - христианский миф, демонстрирующий расплату за распятие Христа как божественное возмездие. Для иудеев понятие "диаспора" стало определяющим мировоззрением, для христиан повсеместное присутствие иудеев – напоминанием о продолжающемся противостоянии мировоззрений. Две несовместимые религиозные доктрины, два несовместимых переживания древности и современности: жертвенное страдание иудеев вместе со всеми поколениями придуманных предков и в ожидании пришествия царя-мессии; и страдание христиан вместе с распятым Христом, который принес искупительную жертву, и за Христа – против безумий последующих "современностей".

Анализируя миграционные потоки, Занд приходит к выводу, что евреи никогда не стремились в Иерусалим. Даже в условиях распада своих культурных центров в Вавилонии, а в другую эпоху – в Испании. "Евреи не только не были насильственно изгнаны со своей "родины", они даже не были склонны добровольно туда вернуться" (с. 253). Занд показывает, что расселение и невиданная плодовитость евреев имитировались прозелитизмом. Евреи не были мореходами, торговцами и завоевателями. Поэтому они не могли создать многочисленных переселенческих потоков и не основали ни одного собственного поселения. Расселяющиеся финикийцы, греки, римляне преимущественно говорили на своем родном языке. Можно считать, что это правило для переселенцев. Но оно не срабатывает в случае иудеев. Из чего следует, что земледельческий народ вовсе не расселялся из Иудеи, а распространял свою религию среди других народов через "религиозных профессионалов" - бродячих проповедников. Иудеи в "рассеянии" практически не говорили на иврите и арамейском и носили нееврейские имена. Просто потому, что это не были их родные языки, и они вовсе не были выходцами из Иудеи. Именно потому несостоятелен миф о невероятной плодовитости разбежавшихся по миру иудеев. "Несколько тысяч или даже десятков тысяч иудейских эмигрантов не могли за два столетия произвести на свет миллионы верующих иудеев, рассеянных по всему культурному средиземноморскому региону. Древние времена, как уже отмечалось выше, не знали таких демографических всплесков; количество людей, способных прокормиться в городе или в деревне, как правило, оставалось почти неизменным и жестко ограниченным объемом сельскохозяйственного производства" (с. 273).

В разделе своей книги, посвященном распространению теории наследственности в политическом течении сионизма, Занд рассматривает группу домыслов, которые возникли среди евреев в середине XIX в. и отражали общее распространение антропологических знаний. У евреев-интеллектуалов возникла мысль, связавшая их с религиозными ортодоксами: биологическое родство с праотцами предопределяло право евреев переселиться в Палестину и основать там свое государство. Тогда же в еврейской литературе стало появляться понятие о "расе" - в одних случаях именно как о биологической общности, в других – как синоним понятию "народ", в котором биологический оттенок также присутствовал. Рассмотрение евреев как этно-нации стало очень популярным, и соответствующие взгляды были положены в основу сионизма. И в этом не было бы ничего дурного, если бы не воображаемый характер сообщества, которое

обманывало себя выдуманной родовой историей и формировало общность на основе разрыва национальной солидарности с народами стран пребывания.

Биологизаторская концепция нации служила сионистам обоснованием права на Святую Землю, откуда, как они считали, происходят все евреи. В смягченном варианте эта теория, свидетельствующая о расовой замкнутости евреев, говорила о том, что расу нельзя сменить, но можно улучшить. В особенности ее внешний вид, который может "распрямить" евреев в прямом и переносном смысле. И в этом стремлении к самосовершенствованию также нет ничего плохого. Если бы евреи действительно являлись "расой".

Любому народу не возбраняется заниматься реконструкцией биологической связи между праотцами и праmaterями и нынешним поколением, пробуждением ощущения кровного родства с прошлым, уходящим в глубину веков. Если только эта связь в реальности присутствует. Если же она выдумана (а в случае с евреями именно это и доказывается профессором Зандом и его предшественниками, на которых он ссылается), то это не более чем иллюзии, вредные и для самого народа, и для других народов, в отношении которых иллюзорное сообщество непременно переходит к расизму и шовинизму.

Занд приводит высказывания еврейских мыслителей: "Раса – это все". "Происхождение пульсирует в наших жилах на протяжении всей жизни и ежечасно, ежесекундно направляет наше существование, все, что мы делаем, и все, что происходит с нами. Это и есть кровь, и именно она порождает самые глубинные пласты душевной реальности". "Чувство национальной принадлежности коренится в крови человека, в том расово-физическом типе, к которому он относится, и ни в чем ином... Душевное строение народа определяет физический тип человека в значительно большей степени, нежели индивидуальные душевные наклонности...". "Смешанные браки нивелируют расовые характеристики и не дают проявиться талантам будущих поколений".

Все это может быть чертовски верно для других народов, действительно имеющих глубокую родовую историю, сохранивших расовое ядро и связь с предками, жившими на той же земле, где и теперь народ определяет свою Родину. Но только не для евреев, к которым невозможно применить концепцию расы. Рассеяние по миру само по себе разрывает родовые связи. Да и происхождение еврейства из сообществ прозелитов, как мы видим, более чем очевидно. Подавляющее большинство евреев (может быть, даже все евреи без исключения) вовсе не могут похвастаться родством с племенем Моисея (которого, судя по всему, и не было), подданными Давида и Соломона (которых не было наверняка), защитниками Иерусалима во время осады императора Тита (по той же придуманной версии расовой истории, они были просто перебиты) и т.д.

В специальном обзоре, включенном в книгу, Занд издевается над попытками приобщить исследования генетиков и антропологов к доктрине исключительности евреев – особых чертах генотипа, отличающих их от всех других народов. Евреи по своей генетике оказываются близки то к арабам и туркам, то к курдам, то вдруг роль носителей ближневосточных генотипов переносится на мужчин, а наследование принадлежности к народу по женской линии, столь тщательно лелеемое в еврейской традиции, оказывается пустой выдумкой. "Скитающийся народ" не удалось отделить от остального человечества ни по отпечаткам пальцев (дерматоглифика), ни по каким-то эксклюзивным болезням. Любой признак, который поначалу кажется недобросовестным исследователям удачной находкой для исполнения политического заказа, всегда обнаруживается у каких-то других народов. Или отсутствует у каких-то не затронутых первичными исследованиями еврейских групп.

Занд заключает: "На исходе XIX и в начале XX века физическая антропология исправно снабжала сомнительными открытиями тогдашнее общество, жаждавшее подтверждения своем расовой исключительности. Сходным образом молекулярная генетика конца XX — начала XXI века выбрасывает в алчущее коллективной

идентичности информационное пространство смесь куцых обрывков фактов и явных полуправд". "Подводя итог, можно с уверенностью сказать: несмотря на многолетние дорогостоящие "научные" усилия, так и не удалось научно характеризовать еврея на биологическом уровне"; "...за всеми государственными шагами, направленными на формирование идентичности в Израиле, по-прежнему стоит как длинная черная тень вечная расовая идея".

Концепция расы для диаспорных евреев стала особенно важной (и это выразилось в сочинениях одного из столпов сионизма З.Жаботинского), поскольку они не имели ни общей территории проживания, ни общего языка, ни общей истории. Вся надежда - на какое-то объективно подкрепленное единство, на наличие расового ядра. И сионистам очень важно было верить в существование такого ядра. Ввиду того, что оно было воображаемым, трансформация сионизма в расизм выглядит совершенно неизбежной. Например, через такой теоретический пассаж: "Еврейская раса — одна из исходных рас, и климатические влияния не могут изменить ее облик ни в одной точке мира. Еврейский тип сохранился — он существовал во все времена, во всех поколениях". Или такой: "Евреи не только естественным образом сохранили замечательные качества, изначально присущие их расе, но и, благодаря долголетнему процессу селекции, их усовершенствовали. Ужасные условия, в которых евреи жили на протяжении последних пятисот лет, и отчаянная борьба за существование, вызванная этими условиями, способствовали тому, что удерживались на плаву и оставались в живых лишь наиболее умные и экономически преуспевающие индивидуумы... Таким образом, современные евреи представляют собой особо ценный человеческий тип. Хотя есть немало параметров, по которым евреи уступают другим народам, однако в том, что касается интеллектуальных качеств, вряд ли какая-либо другая расовая общность может сравниться с ними".

Занд приводит в пример позицию Ренана и Моммзена, которые не считали евреев расой и не видели возможности выделить специфически еврейские антропологические особенности. Более основательно Занд излагает взгляды Каутского, который не признавал биологизаторский подход, исходя не только из-замарксистских догматов, но и из-за современных данных антропологии. Он полагал, что "расу скитальцев" можно, конечно, выделить по форме черепа, носа, волосам и глазам, но при широчайшем разнообразии соответствующего "типа" евреи гораздо больше похожи на представителей народов, среди которых живут, нежели на своих соплеменников из других общин. То же касается и менталитета.

Беда в том, что интернационалистские концепции марксизма к середине XX века стали доминировать в европейской науке и дошли до отрицания концепции расы вообще. Из принципа "так не доставайся ты никому", в научных кругах была развернута концепция, угнетающая исследования родства и биологических различий между людьми, отрицая в принципе какую-либо связь между "кровью" и культурой. К этой концепции присоединяется и Занд. С точки зрения становления израильской нации, это вполне конструктивная позиция. Но не дай Бог применять ее к историческим народам, веками живущим на своей земле.

То, что поначалу было средством консолидации для складывающейся политической нации израильтян, теперь становится тормозом для ее взросления и укрепления. Нереалистичные претензии на какую-то особую роль в мировых делах, высокомерие, переходящее в расизм — губительны для Израиля. Смесь расизма и космополитизма, образовавшаяся в официозных израильских кругах и политической надстройке еврейских диаспор, навязывает евреям открытую враждебность всем без исключения народам, а в особенности тем, которые консолидированы национальной идентичностью и национальным интересом.

Эта незавидная позиция войны против всех может быть опровергнута и отброшена только в результате распространения достоверных научных знаний — антропологических и генетических, исторических и антропологических. Увы, научные направления

соответствующего типа угнетаются догматом "политкорректности", который в особенно уродливых формах существует в современной России и уже привел к геноциду русского народа и репрессиям против наиболее пассионарной части русских. Многие русские чувствуют присутствие среди причин своих бедствий иной пассионарности – еврейской, которая черпает силы из расистских измышлений диаспорного еврейства и солидарности с ее высокомерной и губительной для мира позицией мировой олигархии.

Книга профессора Занда, безусловно, важный материал, позволяющий понять коварную роль и идеологическую основу деятельности лидеров диаспорного еврейства, которое является не народом, а воображаемым сообществом, имеет весьма отдаленное отношение к израильской нации и объединено "психологией гетто" - самооправданием скрытных действий наподобие подпольщины. Это сообщество-партия, охватывающее своим влиянием весь мир, крайне опасно для судеб исторических народов и наций, стремящихся сохранить или восстановить свой суверенитет. Единственный выход с позитивными перспективами – отказ еврейства от расизма и космополитизма, превращение его из воображаемого сообщества в реальное: консолидация в израильской нации, отречение от "диаспорной" идентичности и враждебности к народам, живущим по соседству.

По утверждению Шломо Занда (интервью писателю Эли Финбергу, 2010), его книга посвящена еврейской, сионистской историографии. Точнее, деконструкции сионистской историографии. "Я не обвиняю сионистскую историографию в каком-то заговоре, я обвиняю ее в мифотворчестве", - говорит исследователь. Речь идет о фиктивной самоидентификации: "Когда кто-то утверждает, что он принадлежит к вечному народу с трехтысячелетней историей, он превращается из очень маленького в очень "большого" человека". Между тем, по мнению Занда, исхода из Египта не было, Царство Давида и Соломона никогда не существовало. При этом Занд ссылается на археолога и сиониста Исраэля Финкельштейна, который отрицает событие Исхода. Более того, праотец Авраам тоже не существовал и существовать не мог.

Исходя из принятой хронологии, Авраам не мог иметь верблюдов, поскольку их приручили гораздо позднее. Считается, что не ранее 12 в. до н.э. Это данные археологии Ближнего Востока. Но если сюжет с верблюдами Авраама перенести в Египет, то там верблюды существовали, хотя о них и нет упоминаний в письменных источниках. Это тоже данные археологии. Считается, что изображениям одногорбого верблюда на скалах Асуана и Синая 5 тыс. лет. Но реально большинство изображений верблюдов в Египте относится к его позднему историческому периоду – 7-4 вв. до н.э.

Ученые Таль-Авивского университета раскопали древнюю медеплавильню, где обнаружены скелеты верблюдов. По данным углеродной датировки, эти кости относятся к последней трети 10 в. до н. э. Более ранние находки останков верблюдов относят к диким особям. Согласно хронологии библеистов, Авраам мог жить в период 21-18 вв. до н. э., располагаясь при этом верблюдами (Быт. 12:16, 24:10). Возможно, его верблюды были египетскими, но тогда почему другим его современником невозможно было пользоваться способностями этих вьючных животных? Логично было бы поправить хронологию, вернув длительность жизни библейских пророков к нормальной. И тогда Авраам попадает в свое родное время и во времена приручения переднеазиатских верблюдов.

Вернемся к позиции Шломо Занда. Он отрицает также изгнание иудеев из Иерусалима: "Римляне сделали здесь очень много плохого, многих убили, но никого не изгнали. Римляне, в отличие от вавилонян, не имели привычки изгонять покоренную элиту. Было монотеистическое восстание еврейских фанатиков против них. Они его подавили, но никого не выгнали. Да и технически это было невозможно. Римляне не могли переместить отсюда население, которое по моим оценкам составляло от пятисот тысяч до миллиона человек, большинство из которых были земледельцами. Захватчики

нуждались в их урожаях. Выгонять евреев отсюда был бы просто нелогичным". Интересно свидетельство Занда о том, что еще в 30-х годах XX века палестинские евреи знали, что никакого изгнания не было. Более того, современные палестинские арабы – прямые потомки древних евреев. Мы бы согласились с этим, понимая под "древними евреями" многоплеменные сообщества, которые не раз зарождались и исчезали, соединялись и распадалась.

Наконец, Занд уверен, что евреи – не единый в этническом смысле народ. Оправдание захвата Палестины сионистами опирается на убеждение, что нынешние евреи являются потомками древних автохтонов. Иного обоснования захвата чужой земли у них не было. Именно поэтому миф об изгнании так поддерживается. Конечно, с тех пор, как земли были захвачены, образовалось государство Израиль, а с ним образовался и народ – как исторически сложившаяся общность, и нация – как политическое единство израильтян. Проблема мирового еврейства состоит в том, что оно отождествляет себя с этим народом, не имея к нему никого отношения – ни культурного, ни родового. Занд беспокоит, что сионистские мифы и сказки, которые помогли создать Израиль, могут его же уничтожить. Действительно, для молодой нации груз ответственности за тысячелетнюю историю и действия разнородных еврейских диаспор совершенно непосилен.

Занд указывает на еще один забытый фрагмент истории – на еврейское царство Химьяр (Хмер Руж), которое существовало на территории нынешнего Йемена в 5 в. до н.э. и было вписано в учебники. Но эти учебники читали только те, кто сегодня находится в крайне преклонном возрасте. Последующим же поколениям, ничего не читавшим, очень не хочется признавать, что йеменские евреи ничем не отличаются от соседствующих с ними мусульман и считают себя йеменцами, а не израильтянами.

Аналогичным образом Занд указывает украинских евреев – они в основном турки или славяне как культурно, так и антропологически. Но сионисты стремятся не допустить никаких сомнений в том, что евреи происходят исключительно от евреев. И этот миф, несомненно, носит политический характер. Его разоблачение – также политика. Но в первом случае налицо лишь мифотворчество, а во втором – научно достоверное знание.

Также Занд уверен, что не было никакого хазарского народа, а было лишь хазарское царство, где жили разные племена, лишь некоторые из которых приняли иудаизм. Хазары были так же неоднородны, как и позднее евреи. И иудаизм был еще не тем, чем стал позднее – идеологией закрытой секты.

Если говорить о евреях, как народе, то он складывался из еврейских общин Восточной Европы лишь в XII в., когда хазары были вытеснены монголами. Отсюда – иудейские общины в Латвии, в Польше, на Украине. Что касается религиозной составляющей жизни этих общин, то она была в основном заимствована у иудеев Германии. Зачастую вместе с громкими фамилиями – немецкими или древнееврейскими. Евреи как народ пришли из Хазарии, а не из Европы. Их язык идиш – это набор диалектов, несходных с языком еврейских гетто Германии.

Понятно, что этноним является ключевым в том, чтобы зафиксировать существование какого-то народа. Но этнонимом народ не исчерпывается. Если этнонима недостаточно, то евреи – народ не древний. Древним является только этноним. А культура еврейства сложилась позднее. То, что мы знаем о современных евреях, не имеет ничего общего с тем, чем были древние евреи. И только мифология древнего происхождения накладывает свой отпечаток как на еврейское мировоззрение, так и на внешний взгляд на современное еврейство со стороны других народов.

Обозначим, в чем состоит русский интерес в исследованиях, способствующих формированию израильской политической нации и рассасыванию "еврейского вопроса" как проблемы мирового уровня.

1. Разрушение этнополитических корпораций, превратившихся в инструмент мировой олигархии и подрывающих жизнеспособность суверенных наций; общее

оздоровления международных отношений, отягощенных деятельностью непубличных структур, опирающихся на солидарность еврейских кланов.

2. Формирование для 240 тыс. российских евреев пути интеграции в русское общество, на начальном этапе – ликвидация нелояльности к русской государственности, реальной и потенциальной измены национальным интересам России со стороны обособленной этноконфессиональной группы.

3. Ликвидация расистского еврейского лобби и еврофилии в российских властных кругах, выражающих сегодня не волю народа, не национальный интерес, а объединенный интерес олигархии, в котором еврейский этноконфессиональный компонент имеет значительный вес.

4. Устранение из русского патриотического движения бесплодного дискурса, раздувающего "еврейский вопрос" до маргинальных фобий, подрывающих русскую идентичность и русскую солидарность.

В ответ на эти положения, основанные на материале исследования еврейского автора, еврей-фантазер написал мне: "Еврейский народ не "фальсифицируется", а существует. И существовал, когда никаких русских еще не было. Евреи создали мораль, несравненно более высокую, чем языческая, и заимствованную (через христианство) большинством арийских народов. Но эти народы раньше не испытывали никакой благодарности к евреям, да и сейчас она нечаста. Так как антисемитам остро не хватает реальных преступлений евреев - приходится врать, врать и еще раз врать. "Мировой еврейский заговор по порабощению гоев", кровавые наветы, отрицание арийских преступлений против евреев (даже Холокоста) и т. д."

По поводу книги Занда этот чванливый расист, считающий, что все в мире создано евреями, предположил (разумеется, ничего не читая), что она – продукт "европеизации" евреев, ассимиляции евреев в европейской среде. В этом он был бы прав, поскольку европейская цивилизация неизмеримо выше всех еврейских выдумок о ней, и дух научной честности – именно то, что позволило Занду развеять мифы об исключительности своего народа (прежде всего, об исключительной древности). Но чванливый расист тут же прибавляет, что ассимиляция – это "заимствование арийских пороков и предрассудков, включая антисемитизм и клевету на евреев". Мол, Занд как раз и есть такой – изуродованный Европой еврей.

Отклик от русского читателя был не менее жесткий: ни к чему путному интеграция евреев в русское общество не приведет. Действительно, первым признаком "интеграции" стал для евреев нигилизм. И эта интеграция была лишь поверхностной: еврейство всегда возвращалось к иудаизму как источнику своей ненависти к русским. Читатель прав: черта оседлости была определенным барьером для интеграции. И одновременно страховкой от интеграции мнимой, поверхностной и имитационной.

На это можно ответить так: вопрос этот не к нам, а к евреям. Это их вопрос – как интегрироваться в русское общество. Не интегрируются – и не надо! Есть ли пути? Есть, конечно. Многие десятки тысяч евреев интегрировались и растворились в русском народе.

Государства - вовсе не этнополитическая корпорация, не союз таких корпораций, нация – не "общественный договор" между этносами. Хотя элиты могут быть основаны и на родстве, а нация состоять из народов. Политика и теология - вот источник национального единства и государственного строительства. Право формируется под теологическую доктрину – неважно, осознано это или нет. Чей "теос" образовал РФ?

Тотальный расизм

Обратимся к сочинению еврейского исследователя (с позволения сказать) совершенно другого типа.

Читая книгу Марины Могильнер (*Номо imperii: История физической антропологии в России*, М.: Новое литературное обозрение, 2008), то и дело задумываешься, в какой же области специалистом является автор? Весь текст пронизан странной терминологией,

которая заимствована из западных постмодернистских подделок под философию и убивает всякий смысл в рассуждениях автора. Зато в соответствующей компании путаников можно считать себя философом.

Антропологи в книге очень мало. Изложение взглядов русских расовых антропологов крайне скудно и конспективно. Зато достаточно много оценочных суждений, представляющих ученый мир Российской Империи расколотым на тех, кто предпочитает "имперское разнообразие" и представляет "либеральную антропологию", и тех, кто нелиберален, а значит, лоялен к имперской государственности и выражает воззрения русского национализма. Здесь автор занят уже не антропологией, а исторической политологией, фиксируя различные течения политической мысли в достаточно узком кругу русских антропологов. И напрямую говорит о том, что "раса" - категория не только научного, но и политического языка.

Труд Могильнер разбит на три главы, которые имеют разную эмоциональную окраску. Первая глава заунывно скучна. Там можно узнать интимные подробности о частной жизни первых русских антропологов. И почти ничего об антропологии. Вторая глава, содержит много подобного же пустого материала, но смотрится "свежо", когда автор с особой любовью мусолит "еврейский вопрос" и доказывает, что Пушкин был не только негр, но еще и еврей. Наконец, третья глава при наличии дремотных фрагментов и отдельных обращений к "еврейскому вопросу" все-таки может по большей части читаться почти как научный текст. Таким образом, представлен некий синтетический труд, который невозможно отнести ни к одной области науки из классического и привычного перечня. Остается только предположить, что современные штудии русских расологов (прежде всего, Владимира Авдеева) совратили г-жу Могильнер, побудили ее опубликовать некое опровержение всего, что связано с истоками русской расовой антропологии и сегодня превращается в расологию и соответствующий стиль мышления, захватывающий общественную мысль.

Если отбросить пересказы фактов, не имеющих антропологического содержания, то все остальное в книге Могильнер – достаточно хаотичное изложение проблем, которые затрагивает именно расология, а также политическая антропология. Фактически труд Могильнер является невольным признанием того, что эти научные дисциплины имеют право на жизнь. Может быть, это единственная отрадная мысль, возникающая после прочтения занудной книги.

Толерантная российская общественность должна быть шокирована произведением Могильнер, в котором с первых же строк речь заходит о расе – термине, без которого не может существовать антропология. Тем не менее, с первых же строк общественность может почти успокоиться: автор исследования не предполагает никакой возможности использовать этот термин для современности и в первом абзаце своего труда отмежевывается даже от современных републикаций русских антропологов, занимавшихся расовыми проблемами. Автор утверждает, что невежество бывает двух сортов: одно связано с неведением историков и антропологов, другое – с "вдохновителями современного расового русского национализма".

Нас мало волнуют проблемы историков и антропологов, которые в своей профессии столь несостоятельны, что игнорируют первоисточники по русской расовой антропологии. Нас волнует, что в труде по истории антропологии говорится о некоем "русском расовом национализме". Что это такое, понять почти невозможно. Единственный намек в самом начале книги: Могильнер с пренебрежением отвергает всякую научную ценность комментария Владимира Авдеева к переизданным им работам русских антропологов, собранным в два тома "Русская расовая теория до 1917 года". Этот комментарий без всяких объяснений назван "идеологическим проектом". На том критика закончена. Хотя, автор еще несколько раз касается публикации Владимира Авдеева, пользуясь плодами его усилий по возвращению ранних антропологических текстов в научный оборот.

Полное спокойствие "толерантной" общественности должно наступить, когда она начнет наткаться в тексте Могильнер на вездесущий "еврейский вопрос", ставший по воле автора главным содержанием русской антропологии. И уж совсем решительно госпожа Могильнер будет реабилитирована за интерес к феномену "расы", когда "толерантный" читатель убедится, что ее работа профинансирована рядом еврейских фондов, а интеллектуальное вдохновение почерпнуто почти сплошь от нерусских людей. Разве в России русские имеют право говорить о расе и исследовать расы? Нет, "толерантная" публика на это согласиться не может. Она непременно объявит это "расизмом" и будет писать доносы во все инстанции. Иное дело, когда вопросом о расе занимаются евреи или просто нерусские.

Как расолог поневоле, Могильнер не может не касаться культурно-религиозных аспектов, сопровождающих "расу". Обращаясь к "еврейскому вопросу", автор замечает, что некоторые исследователи не считают антисемитизм в Империи расовым. Надо полагать, что антисемитизм в России, с этой точки зрения, всегда был разнородным – в одних случаях он выражался в реакции на иудаизм, в других – на образ жизни евреев и их общение с другими народами.

Мне всегда забавны такие формулировки, которые дают два сценария оценки, но ее основу сохраняют неизменной. В данном случае – об антисемитизме. Читателю предложено выбирать только формы антисемитизма – расовый или нерасовый. А что антисемитизм имел место – обстоятельство для автора просто непреложное. Соответственно, и читатель должен следовать за автором по пути, накатанному и привычному: мол, все было бы ничего в Империи, если бы не антисемитизм. Честный этнолог или антрополог должны были бы спросить: о каких это семитах говорит мадам Могильнер? Что это за семиты такие, что так не угодили Империи? Увы, официальная (мнящая себя уже почти придворной) антропология в России чаще всего не способна задавать профессиональные вопросы. Поэтому и ответов на них в этой среде не существует.

Одно из открытий, которое сделает в книге Могильнер нетолерантный читатель, будет касаться обширнейшей библиографии, которая свидетельствует: даже исторический аспект русской расовой теории изучается за рубежом вдоль и поперек. В англоязычном ученом мире – море публикаций. В России – ничего. Здесь – запрет, там – горячий интерес. Книга Могильнер, как она сама утверждает, уникальная, единственная и первая в этом роде.

Раз в России антропологи и историки антропологии проглотили язык и полностью игнорируют тему, интересную ученым других стран, то, разумеется, мировоззренческая позиция в отношении даже самого термина "раса" формируется не у нас. Не у нас даются оценки и самой русской антропологии. Нерусские оценивают русских, как им в голову взбредет. А русские помалкивают. Когда же за дело берется Владимир Авдеев, когда он переиздает и комментирует уникальные книги, на него обрушивается поток грязной брани. От кого? От тех, кто обязан был заниматься своим делом, но почему-то решил предоставить это какому-то "зарубежному дяде". И теперь на подвижнический труд доселе вялые российские антропологи бодро отвечают клеветой и злобными оценками. А подлая правоохранительная система – уголовными делами, пресекающими научную деятельность. И в этом мы видим уже политическое явление, в котором отражен тотальный расизм науки, изменившей свои основы под воздействием талмюдизма и превратившейся в антинауку, в развернутый текст доноса на русских ученых и клевету на русский народ.

Утверждение расологии видится в риторическом вопросе Могильнер: "Уместна ли в такой империи "раса" - одна из ключевых категорий западной модерности и западного империализма, позволяющая легитимировать новые социальные стратификации внутри посттрадиционных обществ и "отстранять" (делая возможным прямое насилие и символическое манипулирование) колониальных "других"?"

В дальнейшем книга отвечает на этот вопрос: да, "модерность" именно через "расу" и утверждалась в России. Иными словами, антропологический дискурс без расы невозможен. Почему же этот дискурс в России пытаются лишить ключевой категории? Мы знаем почему. Потому что эту категорию пытаются применять в своих рассуждениях русские. А русских (по убеждению той же Могильнер) просто не существует – ни в культурном, ни в физическом плане.

Могильнер всюду старается закавычить русских. Собственно русских нет, а есть только "русские". И "инородцы". Те и другие – почти одно и то же. Потому что "на протяжении столетий находились в ситуации интенсивного культурного контакта". Вопрос: культурный контакт меняет антропологию? Культурный контакт уничтожает национальную культуру? Как известно, через культуру антропологические признаки (что они связаны с наследственностью, доказано совершенно однозначно) не передаются. Тем не менее, в ряду "культурных контактов", помимо войн, экономической кооперации и миссионерства, Могильнер отмечает также и смешанные браки и ассимиляцию "в том и другом направлении". В данном случае речь ведет явно не антрополог и не культуролог, а адепт какой-то секты, которая ни в коем случае не примени к евреям тот же порядок размышлений, который приведен в отношении к русским, которых "не существует".

Физическая антропология как рационально организованное научное знание кажется последователям эпохи модерна чем-то противостоящим традиции. И в то же время средством подрыва гуманизма, который на эту традицию опирался, а если точнее – паразитировал на ней. "В ситуации десакрализации традиционной власти возрастала роль образования, рационального точного знания, которое напрямую противопоставлялось традиции, культурному элитизму, непрактичному абстрактному образованию. Все это вместе в конечном счете привело к кризису гуманистического воображения, конституировавшего европейскую идентичность в качестве субъекта текста, языка и исторического ландшафта. Биологические константы в новой ситуации казались более устойчивыми и очевидными, нежели универсальные культурные категории".

Что это за текст? Это не физическая антропология. Это почти что политическая программа: нужно "точным знанием" (точнее мифом о точности и знании) разрушить сначала то, что осталось от традиции, а потом постмодернистским смешением всего со всем убить и это знание. Чтобы в мире не осталось ничего "точного" - ни традиции, ни знания. Как ни странно, сквозь разнообразные по стилю и содержанию фрагменты книги просвечивает именно это стремление. И огромный и безвестный труд множества авторов, перечисленных в библиографии, - свидетельство серьезности намерений некоего неизвестного нам сообщества.

Фотографии 1880-1890. Крымский, кишиневский, херсонский еврей.

Действительно, теория Дарвина, перелицованная из науки в идеологию, должна была подорвать традицию и подкрепить тех, кого теперь называют "гуманистами". И потом покончить с собой как аморальная доктрина, не имеющая к науке никакого отношения. Дарвин нужен был для того, чтобы подкрепить шаткую идеологию "прогресса", имитируя объективное знание. Выполнив эту миссию, он был отправлен на покой, будучи заклеен как основатель бесчеловечного социал-дарвинизма.

То же самое происходит и с концепцией "расы". Сначала "раса" становится достоянием всех – каждого человека. И все расы уравниваются как объекты научного исследования. Тем самым подмененный язык науки обслуживает нивелировку всех культур и всего человеческого разнообразия. Когда общедоступная публицистика переполняется этим новым догматом всеобщего равенства, наука должна быть отброшена вместе с концепцией расы. Потому что больше нет надобности в исследовании разнообразия. Впрочем, в нем "гуманисты" не видели смысла с самого начала. Им нужно было только, чтобы все индивиды исследовались по универсальным методикам, и тем самым было подтверждено не различие, а идентичность. Все должны были признать всех равными себе. И только тайной секте, затеявшей все это, можно было сохранить знание о различиях и использовать его в своих интересах. Именно поэтому в современной России появились столь рьяные обличители, которым достаточно услышать слово "раса", чтобы обвинять произнесшего его в расизме.

Нам, русским, по мысли Могильнер, нельзя изучать расу "как категорию научного и политического языка". Почему? Мы смотрим, как оказывается, не в ту сторону. Ведь антропология, с одной стороны, может продолжать решение задач эпохи Просвещения по развенчанию всех традиций ("десакрализация традиционной власти") и замену их образованием, рациональным точным знанием. Если все это направить по несколько иному вектору, то выйдет "кризис гуманистического воображения, конструировавшего европейскую идентичность в качестве субъекта текста, языка и исторического ландшафта". Стоит только вполне рационально взять на вооружение "биологические константы" и рассыплются, будто бы извлеченные из вечности, ранее спрятанные "универсальные культурные категории". Иными словами, чтобы быть признанным антропологом, нужно дополнить рациональное знание некоей "гуманитарной" парадигмой, которая, во-первых, не позволяла бы поднять голову силам Традиции, а во-вторых, не давала бы развернуть рациональное знание против либеральных ценностей. Антропология при таком (вполне политическом) ограничении должна развенчать также Российскую Империю и представить ее как социальное, географическое и этническое пространство, разодранное на клочки, не способное соединиться каким-либо вынужденным самоопределением.

Что Империя, очевидно, вошла в историю именно как целостный субъект, новоявленного историка антропологии совершенно не волнует. Главное, что разделенность Империи декларирована некоторыми западными исследователями. Этого уже достаточно, чтобы все прочие доводы не принимались во внимание.

Допустимые рамки антропологии определены политическим выбором: антропологи должны доказывать отсутствие в Империи единства, подчеркивать и абсолютизировать разнообразие. В этом случае точность научных методик принимается: "физическая антропология... создавала новые и гораздо более "объективные" (по сравнению с гуманистическими) основания для конституирования различий – в том числе и внутри самой Европы, внутри некогда единого пространства "культуры". При этом и унифицируя, и разделяя, физическая антропология все равно воплощала пафос современности, инструментализм рационального знания", а раса "вскрывала" "любой мыслимый социальный, культурный и политический феномен".

Такую форму "вскрытия" любого социального феномена невозможно не считать политическим заданием, в основе которого лежит тотальный расизм – расистская ориентация на расчленение всех мыслимых общностей неким "точным знанием". Наука

привлекается для анализа, а синтез совершается уже не наукой, а некоей сектой, пытающейся подмять науку и навязать ей свой догмат – о расчлененности и унифицированности всего, что не включено в эту секту.

По отношению к Империи это выглядит так: "Новое знание об имперском человеческом разнообразии или о природе гомогенного и гармоничного национального организма, созданное в рамках передовой науки своего времени – физической антропологии, казалось в этих условиях не просто адекватным ответом на кризис старого режима, но и буквально рецептом модернизации империи". "Повсеместно антропологическая институализация опиралась на взаимодействие академической науки и общественного активизма, подчеркивая современность и востребованность нового знания. Поэтому и изучаться она должна не как формальная история науки, но история формирования и развития антропологической парадигмы".

"Живописное обозрение", №44, 1873.

Евреи польских губерний Российской Империи

От подобных характеристик основатели русской антропологии должны бы перевернуться в своих гробах. Оказывается, они были чуть ли не ниспровергателями "старого режима"! И даже, будто бы, диктовали, что будет представлять собой иной режим! Якобы, на заре становления антропологии, образовалась некая парадигма, сокрушающая прежние представления о человеке, а вовсе не дополняющая их! Ведь новая парадигма есть ниспровержение прежнего "миропорядка" науки, образование иных стандартов! Именно так мыслит Могильнер момент зарождения русской антропологии. И для обоснования всего этого (брёда) привлекается особая методология: "вместо науки в строгом смысле слова", реконструируются "мотивы и логика сообщества российских ученых". Изучаются не столько научные идеи, сколько личности, которым приписываются некие скрытые "парадигмальные" мотивы.

Все-таки подобный оборот мысли – полностью на совести Марины Могильнер. Это ее личная интерпретация, произвольно составленный коллективный портрет русской антропологии, исказивший ее реальный облик. А точнее – выдумка, обусловленная определенным политическим выбором, который я называю "тотальным расизмом". Для

этого подхода все народы – фикции. Может быть, за исключением одного, который все остальные народы втайне считает "унтерменшами".

Могильнер: "Новый язык физической антропологии самим фактом переосмысления разнообразия в точных, математически верифицируемых, объективных категориях универсальной науки позволял осуществить революционный акт переописания. Фактически этот язык позволял пересоздавать мир на основе рационального знания – не описательного, а "точного", недоступного во всей полноте случайному наблюдателю, без специальной подготовки, вне особой процедуры исследования. Специалисты, умевшие видеть и анализировать эти скрытые от профанного взгляда законы развития, могли предлагать рецепты правильного, профессионального и адекватного управления человеческими обществами".

В этих положениях очевидным образом присутствует "сайнтизм" - вера в том, что некое "точное знание", доступное замкнутой группе, позволяет управлять обществом. Некая секта, уверовавшая в "точность" и "научность" своих методик, предлагается в правители, которые все будут делать "правильно", но по рецептам, которые для публики будут неизвестны. Секта своими силами не только создает эти рецепты, но еще и "переописывает" действительность. То есть, создает иллюзию для профанов, которые убого жили в своем "старом режиме", а теперь у них, как будто, должны открыться глаза: действительность совершенно иная!

Вероятно, госпожа Могильнер совсем не имеет представления о том, что есть научное знание, научные методики. Не знает, что есть научный факт, и в каком случае факт может быть признан "объективным". Не понимает, что научное знание вне культурного контекста бесплодно. Ибо тогда любой ученый сочтет свои фантазии "объективной реальностью", результаты своих частных исследований – открытием универсальных законов. Этим заблуждением автора объясняется многое из того, что написано-напутано в книге об истории физической антропологии в России.

"Живописное обозрение", №43, 1873.

Евреи западных губерний Российской Империи

Если расовые признаки не совпадают с племенными или национальными, то это вовсе не значит, что племен и национальностей (этносов) не существует. Это лишь говорит о том, что расовые признаки в рамках племени и национальности имеют

определенное разнообразие, а вовсе не ограничивают некий абстрактный "чистый тип". Это и понятно: люди создают сообщества, замыкая родственные связи культурными ограничениями, а вовсе не искусственным отбором по расовым признакам, измеряемым антропологами. Одно связано с другим: длительная родовая замкнутость создает типичный расовый портрет племени, но генетика делит их на расовые типы. Разнообразие не исчерпывается (лишь минимизируется), поскольку заложено в самой биологической природе человека.

Свободные от современного понимания проблемы расы рассуждения Могильнер над строками энциклопедий рубежа XIX-XX вв. ничего не стоят. Если ученые, писавшие эти определения, все же находились в русле своих исследований и шли к истине, наполняя формулы определений адекватным содержанием, то г-жа Могильнер наполняет слова старинных формулировок собственным пониманием, в котором чувствуется политическая ангажированность. Собственно, труд автора ценен именно обнаженностью этой ангажированности.

(конец ознакомительного фрагмента)